

МИФИческий альма-патер

Автор: Анастасия БЕЛЯКОВА

Прочитала где-то, что древние делили людей на три категории: живых, мертвых и тех, кто в море. Потом фраза как-то забылась. И вдруг снова всплыла в памяти, когда я оказалась в гостях у профессора В.Г. Кириллова-Угрюмова, бывшего военного моряка.

Хотя, наверное, говорить «бывшего» – неправильно. Виктор Григорьевич через всю жизнь пронес флотские традиции, усвоенные в военно-морской спецшколе и училище, проверенные на фронте. И пусть военная карьера старшины I статьи Кириллова-Угрюмова оборвалась в 17 лет, но свою гражданскую судьбу он выстраивал по морским законам.

Поэтому, наверное, звание подполковника получил, когда «командовал» Московским инженерно-физическим институтом. А когда под его началом была Высшая аттестационная комиссия (ВАК), у соискателей ученых степеней даже появилась примета: если под костюмом председателя тельняшка – жди бури. Сегодня, в свои 82 года, Виктор Григорьевич – профессор-консультант МИФИ и глава Совета ветеранов вуза – признается, что чувствует себя в родном институте, как рыба в воде: «Поплаваю» среди молодых лиц – и сил прибавляется!»

Семнадцатилетний командир

После выпускного вечера в июне 1941 года ребята из I-й Московской военно-морской спецшколы подписали коллективное заявление об отправке на фронт. И дружно получили отказ.

Виктор Кириллов-Угрюмов отправился в Ленинград в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского – строить карьеру и продолжать династию: моряком был его отец, погибший, когда сыну исполнился год.

- До августа 1941 года я проходил «оморячивание» на острове Вольный в Ленинграде, – рассказывает Виктор Григорьевич. – Утром побудка, пробежка вдоль береговой линии. Подъем на 5-метровую вышку: наверху – боцман, который подталкивает тех, кто робеет, внизу – другой в шлюпке и с набором спасательных кругов.



Потом о море снова пришлось забыть – училище эвакуировали в Балахну. Поезд с курсантами, в числе которых был и Кириллов-Угрюмов, чудом успел проскочить по железнодорожной ветке до того, как немцы сомкнули кольцо вокруг Ленинграда. Оставшиеся в северной столице студенты и офицеры с семьями уходили по Ладожскому озеру на баржах. Суда стали тонуть, и командир дал сигнал SOS открытым текстом. Фашисты начали обстрел... Когда весть о трагедии долетела до Балахны, курсанты снова подали заявление об отправке на фронт. Но командование отклонило его и во второй раз.

На передовой семнадцатилетние моряки в звании старшин I-й статьи оказались только в октябре. Попали в 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. И сразу были назначены командирами отделений. Причем руководить пришлось матросами-тихоокеанцами, которые были почти вдвое старше.

- Как вас воспринимали тридцатилетние моряки? – спрашиваю Виктора Григорьевича.

- Я бы сказал, по-отечески, – говорит он, и по лицу видно, с какой радостью погружается в воспоминания. – И тем не менее с уважением – все мои команды выполняли. Атмосфера была какая-то, не скажу семейная, но дружеская, товарищеская. Мне очень повезло с людьми. Моряки были дрожжами, закваской, которая поднимал дух всей армии. На войне важно чувствовать локоть друга. И это было. Морское братство в этом отношении – великое!



Эшелон с бригадой двинулся к Москве, но не доехал. Остановился у города Рязска, важного железнодорожного узла, связывающего столицу с югом.

- Разгружаемся на полустанке, – вспоминает Виктор Григорьевич. – Где-то сбоку стоит товарняк, явно побывавший под обстрелом. В вагонах – винтовки, подобранные на поле боя, и гранаты. Берешь винтовку, смотришь на просвет, заряжаешь патрон – и в воздух. Выстрелила – вооружен.

- А с обмундированием проблем не было?

- Думаю, важным фактором победы под Москвой было то, что нас экипировали для морозной погоды. А немцы мерзли, как клопы. Они же готовились к молниеносной войне, поэтому и одеты оказались легко. Даже их техника на морозе вставала: все Рогачевское шоссе под Дмитровом было забито танками, которые не заводились. Держались они только в деревнях, в избах. Пробивали фундамент в домах и устраивали в полу пулеметные гнезда. В поле не выходили. Там мы были хозяевами.

Свой первый бой Кириллов-Угрюмов принял у оккупированного фашистами Скопина. Немцев выбивали их же «шмайстерами». А когда освободили Скопин, он стал первым в череде городов, никогда больше не переходивших к врагу. Много лет спустя скопинцы присвоили Виктору Григорьевичу звание почетного гражданина города.



- Я прочитал воспоминания немецкого генерала Гудериана. И поразился: «Превосходящие силы русских, вооруженные до зубов, разгромили 5-й моторизованный полк моей армии». На самом деле их одолели молодые морячки с оружием, подобранным на поле боя, – рассказывает Виктор Григорьевич.

Под Москвой бригада влилась в 1-ю ударную армию. 5 декабря 1941 года под Яхромой началось контрнаступление. Бои были такими кровавыми, что прожить в этом аду хотя бы несколько дней было подвигом. Из шеститысячной бригады, в которой служил Кириллов-Угрюмов, осталось всего несколько человек.

- Перед боем под Клином политрук дал нам наставление: «Моряки, даешь Клин, за Клином – Берлин!», – говорит ветеран. – Это было 12 декабря. Мы шли в атаку из леса у деревни Бородино. Из дзота велся пулеметный обстрел. Видно было, как летит рой пуль. Упадешь в снег, они просвистят над головой, поднимаешься и идешь дальше. Так рывками и продвигались. На середине поля меня ранило. Три с половиной месяца провел в госпиталях. Хотели даже руку ампутировать...



Он был уверен, что вернется на фронт, пока летом 1942 года не увидел приказ об увольнении из армии по инвалидности. Пришлось смириться и окунуться в гражданскую жизнь.

Поступил в только что открывшийся Московский механический институт боеприпасов, который потом академиком Курчатовым был преобразован в МИФИ. И снова, как на войне, оказался в хорошей компании.

- Руку все-таки вылечили, – продолжает Виктор Григорьевич. – Да так, что я и мотоспортом увлекся, и с



парашютом прыгал в студенческие годы.

Благодарность – Кириллову, выговор – Угрюмову

- Виктор Григорьевич, а по жизни вы Кириллов или все-таки Угрюмов? – спрашиваю я.

Мой визави смеется, и я замечаю, что улыбка у него точь-в-точь такая же, что и на висящем на стене портрете юного курсанта военно-морского училища.

- Когда был ректором, да и потом в ВАКе, который возглавлял с 1974 по 1987годы, ходила шутка: прежде чем зайти ко мне в кабинет, визитер обязательно интересовался у секретаря: «Ну как он сегодня: Кириллов или Угрюмов?»

Двойная фамилия у семьи появилась еще во времена Екатерины II. Ее путешествие в покоренную Потемкиным Тавриду проходило по Калужской области, славившейся золототкачеством. Под Малоярославцем императрица получила в подарок золотое шитье и повелела выписать мастеру благодарственную грамоту. Спросили имя артельщика, и староста деревни назвал его прозвище Угрюмый, а писарь переименовал в фамилию Угрюмов. На что мастер возмутился: мол, я Кириллов. Пришлось записать обе.

Но если эта история сугубо семейная, то в мировую историю замысловатую фамилию вписал сам Виктор Григорьевич. Кембриджский университет причислил его к числу 200 выдающихся физиков XX века. Ему вместе с коллегами из МИФИ удалось в 1977 году обнаружить свободный нуклонный атом. Научных трудов у Кириллова-Угрюмова более двухсот, есть и книга « ... » (???).

Одним словом, он взял науку под уздцы, прямо как человек коня на эмблеме МИФИ.



- Как получилось, что вы связали жизнь с физикой?

- Поначалу поступил на конструкторский факультет – должен был собирать ракеты. А в 1945 году появился инженерно-технический факультет. Его возглавлял академик Александр Ильич Лейпунский, человек удивительного обаяния. Он лично беседовал с теми, кто хотел там учиться. Думаю, под его влиянием я и выбрал физику. Нам читали лекции люди, которые непосредственно занимались созданием атомной бомбы. Своими учителями считаю академиков Арцимовича и Зельдовича. Я сам принимал участие в строительстве реактора на тяжелой воде.

Мое направление исследований – физика элементарных частиц и физика космических лучей. Докторскую диссертацию делал в Дубне на ускорителе. Горжусь тем, что моим оппонентом был один из основоположников теории нейтрино – Бруно Максимович Понтекорво.

А вообще физика хороша тем, что в ней, пожалуй, чаще, чем в любой другой науке, можно задать вопрос «почему?» и постараться на него ответить.

Между прочим, наука помогла Виктору Григорьевичу создать семью. За чашкой чая его супруга Эмма Яковлевна рассказала, как произошла их встреча.

- Мы познакомились в ФИАНе – Физическом институте академии наук, где я работала у академика Сергея Вавилова. А Виктор Григорьевич учился в аспирантуре МИФИ и параллельно работал. Он уже тогда заменял заведующего лабораторией, когда тот уезжал в командировки. Работал на установке, которая регистрировала космические лучи. Она давала такой выхлоп, что стекла вылетали в половине корпуса здания.

У нас постоянно вывешивались приказы на доске: первый – об объявлении Кириллову-Угрюмову строгого выговора и рядом второй – об объявлении ему же благодарности за научное открытие, – смеется Эмма Яковлевна. – Я была еще и редактором стенгазеты. И как-то решила написать об их лаборатории. Виктор мне все рассказал, я добросовестно записала, сфотографировала. Но пленки, как потом оказалось, в фотоаппарате не было. И статья не вышла.

Я пошла извиняться. Он меня отчитал и выгнал: мол, вы проявили неуважение к моим сотрудникам. А через неделю были танцы, я подошла и задорно так ему сказала: «Вместо того, чтобы ругаться, пойдем танцевать!» Он возразил, что не умеет, но все-таки пошел...

- И сколько лет вы учите его танцевать?

- Страшно сказать: 54 года. У нас трое детей и четверо внуков.

Эмма Яковлевна говорит, что всегда старалась ограждать мужа от семейных неприятностей. Ведь работал он по двенадцать часов в день. И не зря трудился: в 29 лет стал деканом факультета экспериментальной и теоретической физики МИФИ. Потом – заместителем завкафедрой экспериментальной ядерной физики. А в 35 лет – ректором родного вуза, который возглавлял с 1954-го по 1974 год.

- Виктор Григорьевич, тяжелее было командовать отделением на войне или студентами и профессорами в МИФИ?

- Когда руководишь, важно ощущение собственной надобности, сознание, что ты делаешь что-то полезное и нужное – независимо от того, отделение ли это, где 12 человек, или 5-тысячный институт.

Кстати, знаменитый мужской хор МИФИ родился во время ректорства Виктора Григорьевича. А современные «мифистки» вообще обязаны ему своим появлением: именно ректор настоял на том, чтобы в вуз принимали и представительниц прекрасной половины человечества.

- МИФИ – его дом, – объясняет Эмма Яковлевна. – Все сортовые растения, которые были у нас на даче, он постепенно перевез в институт. Вырастил там даже потрясающей красоты сакуру.

Пару лет назад почетный профессор Кириллов-Угрюмов решил, что в «его доме» обязательно должна появиться часовня. Но храм на территории МИФИ возводить пока не собираются – идея почему-то приглянулась не всем.

- На Руси было традицией в память о людях и о событиях ставить храмы. Мы хотели, чтобы часовня стала памятником всем работникам атомной промышленности и, конечно, – основателям МИФИ. Ректор написал письмо Патриарху, тот дал согласие, но дело так и не сдвинулось с места: некой группе людей в институте идея не понравилась...

Между прочим, мы установили интересный факт: Курчатов перед взрывом первой советской атомной бомбы прежде чем отправиться на аэродром, чтобы лететь в Казахстан, заезжал в Новодевичий монастырь поклониться иконе Смоленской Божьей матери.

Военная фляжка и куртка от Фиделя

По всему видно – Виктор Григорьевич человек из породы настоящих русских офицеров. И выправка, и галантность выдают. Да и любимое выражение – тоже: «Честь имею!» Говорит, когда после ранения переводил жизнь на гражданские рельсы, первым делом повесил в комитете комсомола МИФИ военно-морской флаг. И до сих пор на даче большое семейство Кирилловых-Угрюмовых всегда поднимает такой же. И в рынду – морской колокол – там всегда звонят. И поют морские песни, обожаемые и дедом, и внуками.

- Жаль только – военной формы не осталось, – сетует моряк.

- На торжественные мероприятия Виктор Григорьевич ходит в куртке, которую ему Фидель подарил. Под награды ее приспособил, – говорит Эмма Яковлевна.

Что за новая веха в и без того богатой биографии? Оказалось, в середине 60-х Фидель Кастро организовал Всемирный конгресс интеллигенции, и в числе делегатов от СССР на нем присутствовал наш герой. Там познакомился с легендарным революционером Че и с мексиканским художником Сикейросом. И получил в подарок, как и все остальные участники конгресса, белую куртку. Она до сих пор, как новая, а награды все прибавляются.

Виктор Григорьевич – кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, трех орденов Трудового Красного Знамени, 18-ти медалей, 25-ти правительственных наград. В 1992 году он был удостоен медали Российской академии наук имени П.Л. Капицы. Недавно стал лауреатом Премии президента в области образования.

Свою теперешнюю должность профессора-консультанта заслуженный деятель науки и техники называет не иначе, как щадящей.

- Нерегулярно, но читаю лекции, принимаю участие в заседании научного совета, присутствую на защитах дипломных проектов и диссертаций. Девяносто процентов времени отдаю делам Совета ветеранов МИФИ, который возглавляю.

- Вы всю жизнь были рядом с молодежью. Она сильно изменилась?

- Конечно, она другая. Но для нас, стариков, приятно, что некоторые молодые люди ценят то, что дорого и для нас. У меня возникают только положительные эмоции, когда я общаюсь со студентами. Сейчас они самостоятельно организуют студенческий клуб «Верность». Сами предложили: теперь не вы будете организовывать поездки по местам боевой славы для нас, а мы для вас. «Мифисты» берут шефство над своими профессорами, ушедшими на пенсию.

Преемственность поколений никуда не делась, убеждены супруги Кирилловы-Угрюмовы. Они вспоминают, как Виктор Григорьевич проводил урок мужества в классе младшего внука. Он не стал рассказывать детям истории, а показал фляжку военных лет. И объяснил, что пить в походе разрешалось только по колпачку воды через каждые 50 км. Первоклашки выстроились в очередь, чтобы попробовать содержимое фляжки. И рассказывали потом, какой необыкновенно вкусной была эта вода...

- Вы знаете, какие прозвища вам дают студенты? – поинтересовалась я.

- Нет... – призадумался Виктор Григорьевич.

- А я знаю, по крайней мере, одно – наш МИФИческий альма-патер!

- Вот спасибо! – засмеялся альма-патер и снова стал похож на семнадцатилетнего курсанта с портрета.

Источник: журнал Студенческий меридиан №10 2006г.

<http://www.stm.ru/archive/468/>